

- ⁶ См.: Крумм Р. Указ. соч. С. 84–86. Следует заметить, что источники, которые мы вводим в научный оборот, известны данному автору, но почему-то в его монографии они не получили освещения.
- ⁷ См.: Золототрубов А. Буденный. М., 1983. С. 194–196; Соколов Б. Буденный. М., 2007. 151–154.
- ⁸ Октябрь. 1924. № 3. С. 197.
- ⁹ Воспоминания о Бабеле. С. 188.
- ¹⁰ См.: Шешуков С. Неистовые ревнители. М., 1984. С. 40.
- ¹¹ См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии: В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 172–173; *Он же*. Сталин: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 90.
- ¹² Выступая в Ростове в ноябре 1921 г. на собрании бойцов, командиров и политработников 1-й Конармии по случаю ее двухлетней годовщины, Ворошилов, как бы заглядывая в будущее и нарушая действующую на тот момент партийную иерархию, заявил: «Сталин немногим известен, а вместе с тем, это одна из величайших в истории личностей. Он является вторым лицом в нашей Республике. Во время гражданской войны он проявил недюжинный талант стратега, а также он впервые своим светлым чутьем и головой почувствовал необходимость создания такой крупной, сильной Конной Армии, которая могла бы противостоять вражьиим силам». Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 2. Д. 73. Л. 48.
- ¹³ Там же. Л. 14 об.
- ¹⁴ Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 70. См. также: Веди ж, Буденный, нас смелее... Уголовное дело 1-й Конной // Совершенно секретно. 1998. № 8; *Поликарпов В.Д.* У истоков легенды о Буденном // На фронтах истории Гражданской войны. М., 2009. С. 26–86.
- ¹⁵ *Генис В.Л.* Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 71.
- ¹⁶ О взаимоотношениях Троцкого и Воронского и совпадении их эстетических позиций см.: *Динерштейн Е.А.* А.К. Воронский. В поисках живой воды. М., 2001.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 74. Оп.2. Д. 74. Л. 42.
- ¹⁸ *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 68.
- ¹⁹ Там же. Т. 1. С. 118.
- ²⁰ Третий номер «Октября» датируется сентябрем–октябрем, т.е. к сентябрю номер был уже сверстан.
- ²¹ О его деятельности в этой должности и о загадочной смерти см.: *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 1. С. 24–29.
- ²² См.: *Орловский С.Н., Малкис В.Я.* Революционная законность и Красная армия. М., 1926; *Они же*. Что должен знать красноармеец о военном суде. М.; Л., 1928; *Они же*. Советское военное уголовное право: Учение о материальном и процессуальном военно-уголовном праве. М.; Л., 1930.
- ²³ См.: *Орловский С.Н.* Первая Конная армия. М., 1930; *Он же*. Десять лет 1-й Отдельной особой кавалерийской бригады имени И.В. Сталина. М., 1930; *Он же*. Великий год. Дневник конноармейца. М.; Л., 1930; *Он же*. В Первой Конной армии // На службе пролетарской революции: Сб. статей о К.В. Ворошилове. М., 1931.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 74. Л. 7. Под непосредственным наблюдением секции вышел фильм «Первая Конная», была написана и поставлена пьеса Вишневского «Конармия», написана поэма Алтайского «К.Е. Ворошилов», подготовлены и проведены пятидесятилетние юбилеи Ворошилова (1931), Буденного (1933).
- ²⁵ Там же. Л. 7–8.

УДК 940.5

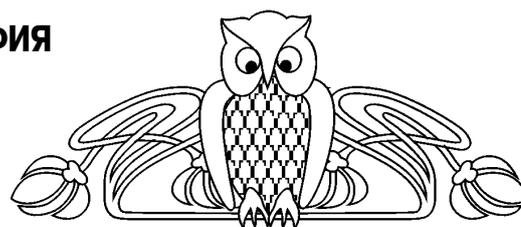
СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ЮЗЕФЕ ПИЛСУДСКОМ И САНАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ

И.К. Ким

Волгоградский государственный педагогический университет
E-mail: kokes@mail.ru

Статья посвящена представлению в современной польской историографии Юзефа Пилсудского как организатора майского переворота 1926 г. в Польше, лидера санационного лагеря и создателя режима санации, а также характеристике самого санационного лагеря. Представляются оценки, содержащиеся в новейших исследованиях польских авторов по данным проблемам, обращается внимание на основные тенденции развития современной польской исторической науки.

Ключевые слова: Польша, история Польши, историография, политические отношения, майский переворот 1926 г. в Польше, Пилсудский, санация.

Contemporary Polish Historiography about Jozef Pilsudski and the Sanacja Camp

I.K. Kim

The article is devoted to the presentation in contemporary Polish historiography Jozef Pilsudski, as the organizer of the May 1926 coup d'etat in Poland, the leader of the sanacja camp and creator of the sanacja regime, as well as the characteristics of the sanacja camp. In this article are presented the opinions of the Polish authors in the latest studies on those problems and the main trends of contemporary Polish history science.

Key words: Poland, history of Poland, historiography, political relations, May coup 1926 d'etat in Poland, Pilsudski, sanacja.

Современные польские исследователи нечасто обращаются к проблеме режима санации, существовавшего в межвоенной Польше в 1926–1939 годах. Обобщающие работы научно-популярного характера, затрагивающие эту проблему, написаны П. Вечоркевичем, В. Рошковским, Т. Наленчем, Я. Жарыном (его труд издан на нескольких языках, в том числе и на русском) и А. Чубиньским¹. Научные труды в основном посвящены узким темам: биографиям политических деятелей В. Сулея (о Пилсудском) и К. Кавальца (о Дмовском), историко-правовым вопросам А. Айненкеля, иным сюжетам П. Вечоркевича, Е. Томашевского и З. Ляндау, А. Чубиньского². Интерес представляют также «Энциклопедия истории Второй Республики», статьи в которой о Пилсудском и лагере санации написаны А. Хойновским, интервью этого же автора популярному историческому журналу, материалы конференции, посвящённой 80-летию майского переворота 1926 г.³, установившего режим санации.

На состояние современной польской историографии оказывает влияние политический фактор. Нынешняя III Республика в Польше считается правопреемницей не Польской Народной Республики, а межвоенной II Республики (1918–1939 гг.), большая часть которой приходилась на режим санации. По утверждению А. Грабского, польская историография ныне «находится под преобладающим давлением творящейся Истории». Трансформация строя в Польше создала для историографии «новые **шансы**, но также принесла ей новые **угрозы**». Первой из них А. Грабский называет опасность «**новой политизации историографии**», другой – «**депрофессионализация польского историописания**»⁴.

Отказ от официальной историографии способствовал плюрализму исторической науки с доминированием немарксистских направлений, близких к консерватизму и либерализму. «Политическому плюрализму в Польше соответствует множество исторических концепций, а историография может снова, так же как когда-то заняться профессиональными проблемами и методологическими дискуссиями»⁵, – подчёркивает П.С. Вандыч. По мнению А. Грабского, «самой важной задачей нашей современной историографии является потребность выработки нового, очищенного от окружающих его мифов, целостного образа Польши»⁶. Позитивистская традиция в польской историографии видна в высказывании Х. Парафьянович: «Историки должны добиваться внимания к фактам, а не заниматься интерпретациями, поскольку это политическая или идеологическая манипуляция»⁷.

В работах, посвящённых периоду режима санации, центральной фигурой по праву является Юзеф Пилсудский – организатор майского пере-

ворота 1926 г., создатель режима санации и лидер санационного лагеря. В данной статье будут представлены оценки и мнения современных польских авторов о нём и о возглавляемом им санационном лагере.

А. Хойновский полагает, что целью майского переворота для Пилсудского было создание прецедента подчинения президента Войцеховского, и если бы президент уступил, то «это открыло бы путь к такому вмешательству в будущем», Пилсудский «тогда не должен был бы выводить войска на улицу, но мог бы говорить “этого не позволяю”»⁸. Неудача этой военной антиправительственной демонстрации привела к кровопролитной смене власти и формированию диктаторского режима санации.

Современные польские авторы подчёркивают личный характер диктатуры Пилсудского. Польский вариант авторитаризма В. Сулея характеризует как «тесно связанный с личностью Пилсудского»⁹. П. Вечоркевич подчёркивает, что диктатура Пилсудского «опиралась исключительно на его личный авторитет»¹⁰. К. Кавалец отмечает, что после переворота штурвал управления перешёл «в руки личности всеми уважаемой и заслуженной, но находящейся над общественным мнением и не контролируемой в своих начинаниях»¹¹. Последнее подчёркивает также А. Хойновский, говоря о том, что Пилсудский в период своей диктатуры «встал над действующим правом»¹². Это стало возможным, в частности, благодаря харизме Пилсудского, о которой П. Вечоркевич пишет: «Маршал, наделённый харизматической индивидуальностью, мог объединять вокруг себя фанатичных сторонников»¹³. Я. Жарын отмечает позитивное восприятие Пилсудского польским общественным мнением: «Указывалось на патриотизм и бескорыстие маршала Пилсудского»¹⁴.

С точки зрения процессов, происходящих в современной польской историографии, представляет интерес дискуссия по проблеме отношения Пилсудского к демократии на конференции в Люблине. М.М. Дроздовский назвал «антиисторичным» представление об антидемократическом, авторитарном характере политической мысли Пилсудского. К. Олейник на вопрос: был ли Пилсудский демократом? – отвечал: «Я убеждён, что был...». В то же время другая часть исследователей высказалась против такого мнения. Т. Куляк отметила: «Говорить о демократизме человека, который считался гениальным вождем партии и мог дать соответствующий приказ и призвать к порядку, это говорить не о демократии». В. Парух обратил внимание на «отсутствие каких-либо позитивных высказываний о демократии» у Пилсудского, который «не замечал положительного в демократии, беспощадно критикуя всё, что касалось домайского периода». П. Вечоркевич, соглашаясь с такой точкой зрения, находил положительное в отсутствии приверженности Пилсудского демократии: «Я бы не видел в нём демократа и, слава

Богу. Считаю, что демократия в парламентском издании была несоответствующей» для недостаточно развитых государств типа Польши¹⁵.

Ошибки Пилсудского, ограниченность его возможностей нечасто упоминаются современными польскими авторами, чаще критикуется созданный им авторитарный санационный режим. Отвечая на вопрос: стремился ли Пилсудский к основательной перестройке Польши? А. Хойновский говорил в интервью: «По моему мнению, да, хотя может этого не смог. Вся трагедия Пилсудского основывалась на том, что он не умел систему, которую вводил, представить в рамках институционально-правовых гарантий. Он часто ждал, что оздоровление отношений в государстве принесёт смена людей, передача власти тем, у кого чистые руки. ... В то же время у него не было рецепта, чтобы её [мораль общественной жизни. – И.К.] изменить. Пока он правил, казалось, что этим овладеет. В последние годы жизни кризис этого стиля правления был связан с тем, что маршал не видел преемников, которые смогли бы править Польшей как он, гарантируя поддержание моральных стандартов в политике. И одновременно он не позаботился о том, чтобы создать новый правовой механизм выявления правящих элит». Тот же автор оценивает создание концентрационного лагеря в Березе как «пример беспомощности Пилсудского и его людей перед лицом проблем, с которыми боролась Польша»¹⁶, подчёркивая сохранение при диктатуре Пилсудского элементов демократии.

Упущением в деятельности Пилсудского А. Хойновский считает также то, что созданная им «система власти опиралась на межличностные отношения в правящей группе. Он в то же время не позаботился о гарантии стабильности этой системы на путях институционально-правовых решений... Тем самым, послемайская система оказалась мало прочной»¹⁷. А. Чубинский обращал внимание на иные негативные стороны правления Пилсудского: «Пилсудский избегал программных высказываний. Его программу, если она вообще существовала, не знали даже его ближайшие сотрудники»¹⁸.

Пилсудский в межвоенной Польше возглавлял лагерь своих сторонников, называвшийся пилсудчиковским, а после переворота – преимущественно санационным или санации. Сам термин «санация» в польской историографии используется исключительно для обозначения этого правящего с 1926 г. в Польше лагеря¹⁹.

Современные польские авторы указывают на высокую степень социальной и идейно-политической разнородности санационного лагеря, изменение соотношения сил между отдельными его группами и эволюцию этого лагеря. А. Хойновский пишет, что санационный лагерь «имел характер интеллигентско-чиновничий, его базой была бюрократия государст[венная] и самоуправленческая, как гражданская, так и воен[ная]... В

состав широко понимаемой элиты власти входили представители отдельных полит[ических] кругов, которые поддержали переворот при доминирующей позиции легионерско-пеовяцкой группы»²⁰, то есть легионеров, воевавших в 1914–1917 гг. вместе с Пилсудским на стороне германского блока против России, а также членов подпольной Польской военной организации (ПОВ), действовавшей на территории царства Польского против российских властей.

А. Чубинский обращал внимание на то, что в санационном лагере после переворота кроме пилсудчиков, «происходящих из движения социалистического и легионерско-пеовяцкого», оказались представители совершенно иных политических сил (консерваторы, людовцы и бывшие эндеки). Все группы лагеря «отличались между собой как с точки зрения социальной, так и идейно-политической», а объединяла их «вера в Пилсудского». В первые годы существования режима, по мнению того же автора, было несколько идейно-политических ориентаций в лагере: «фашизирующая группа полковников с п[о]лк[овником] Валеры Славекком во главе», «помещичье-консервативная группа с кн[язем] Янушем Радзивиллом», «социалистическо-синдикалистское течение с Енджеем Морачевским» и «либерально-демократическая группа с проф[ессором] Казимежем Бартелем во главе». До 1930 г. эти группы боролись между собой, а в 1930–1935 гг. «доминирующие позиции получила группа полковников»²¹.

Исследовательница Т. Куляк полагает, что «говорить о пилсудчиках весь период межвоенного двадцатилетия – это говорить именно о времени и группе людей, которые меняются. Термин оставался, в то же время это были другие люди и они имели другие цели...»²². В. Рошковский указывал на то, что правящий лагерь был «очень разнородной политической силой» и «эволюционизировал вправо»²³. А. Айненкель обращает внимание на то, что на трансформацию государственного устройства с 1926 г. «будут оказывать воздействие всё большее влияние концепции правящего лагеря, перемещающегося по вопросам устройства всё более чётко на правые позиции»²⁴.

Польские авторы в целом сходятся во мнении, что после смерти Пилсудского в 1935 г. начинается последний этап эволюции лагеря его сторонников, сопровождавшийся усилением разногласий между тотализирующей и либеральной группировками, а также уходом из лагеря санационной левицы, трансформацией социальной базы лагеря. В 1935–1939 гг. большинство авторов отмечают усиление в санационном лагере тоталитарных сил и националистических (эндецких) идей вместо государственных, что нашло выражение в создании в 1937 г. новой проправительственной организации Лагеря национального объединения (ОЗН). Его базой, по мнению П. Вечоркевича, «должна была стать

государственная администрация, проправительственные профессиональные союзы, а также самые разнородные организации и общества общественные, культурно-просветительские или филантропические вместе с такими, как Союз слепых или домашних хозяек. Хотя количество завербованных таким образом членом шло на сотни тысяч, и даже миллионы, они не создавали нового политического качества. Чтобы его получить, в Лагерь кооптировали раскольников из оппозиционных партий»²⁵.

А. Айненкель полагает, что во второй половине 1930-х гг. часть лагеря переживала эволюцию, которая «сближала её с националистической идеологией эндеции»²⁶. Е. Томашевский и З. Ляндау считают, что после 1935 г. начался «постепенный поворот части политиков правящей группы в направлении открытого национализма»²⁷, что отразилось в программе ОЗН. «Программа ОЗН свидетельствовала о желании расширить базу власти сторонниками национального лагеря. ... ОЗН соперничал с эндецией, перенимая её программу. В политической мысли ОЗН появились элементы до сих пор чуждые пилсудчикам. Государственническая идеология была заменена национализмом. ... В программе ОЗН появился также неотделимо сопровождающий национализм антисемитизм», – пишет Т. Наленч. Он же добавляет о следствиях такой трансформации лагеря: «Тоталитарные и националистические склонности ОЗН... дали результат противоположный желаемому. Они должны были усилить базу власти, а привели к углублению декомпозиции». В результате многие сторонники Пилсудского посчитали действия правящей группы «предательством идей Маршала», что стало причиной глубоких трещин в лагере санации во второй половине 1930-х гг.: «Полковников» поражал отказ от государственнической идеологии и копирование лозунгов эндеции. Оживилась также пилсудчиковская левизна, обеспокоенная эволюцией ОЗН к тоталитаризму. Протестующие круги интеллигенции обратились к демократическим корням пилсудчиковского лагеря»²⁸.

На особенность организации санационного лагеря обращает внимание А. Хойновский: «Пилсудчики не были в состоянии создать сильную партию. Они не имели традиции объединения в партию, были скорее конспиративной группой, группой закулисного влияния»²⁹. Это сказалось на организационных формах лагеря в период режима санации, который не сформировал собственной политической партии, а довольствовался квазипартийными структурами. Т. Наленч показывает разницу между двумя такими структурами, главными организациями санационного лагеря – Беспартийным блоком сотрудничества с правительством (ББВР, 1928–1935 гг.) и ОЗН (1937–1939 гг.): первый был «разрозненной федерацией групп самого разного обличья, в то же время ОЗН опирался на единую структуру, жёстко

иерархизированную, управляемую военными методами. В нём не было места для какой бы то ни было разнородности. Всё руководство формировалось назначением, в то время как в ББВР действовал принцип выборности»³⁰.

Тем самым для современной польской историографии характерен отход от однозначно негативных оценок личности Ю. Пилсудского и его деятельности, существовавших в официальной историографии Польской Народной Республики. Признавая авторитарность его правления, недемократизм взглядов и методов правления, польские авторы дают ныне в целом положительную оценку его деятельности, в том числе доказывая, что его правление было лучшим из возможных вариантов развития межвоенной Польши. Современные оценки санационного лагеря также отошли от однозначно отрицательных, характерных для эпохи ПНР. При этом в отличие от самого лидера этого лагеря в современной польской историографии оценки санационного лагеря не отличаются позитивностью. Внимание обращается на высокую степень социальной и идейно-политической неоднородности лагеря, борьбу отдельных его групп, а также чётко выраженную эволюцию в правонационалистическом направлении, которая после смерти Пилсудского привела к расколу этого лагеря. В оценках и выводах лагеря санации можно усматривать определённую связь с результатами изучения этого лагеря в предыдущую историческую эпоху.

Примечания

- ¹ *Ejsler J., Szwarc A., Wieczorkiewicz P.* Polska. Dzieje polityczne ostatnich dwustu lat. Warszawa, 1997; *Roszkowski W.* Najnowsza historia Polski. 1914–1945. Warszawa, 2003; *Historia Polski*. Т. 11. Polska 1831–1939. Warszawa, 2007; *Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я.* История Польши с древнейших времён до наших дней. Варшава, 1995; *Czubiński A.* Historia Polski. 1864–2001. Wrocław e. a., 2002.
- ² *Suleja W.* Józef Piłsudski. Wrocław e. a., 2004; *Kawalec K.* Roman Dmowski. 1864–1939. Wrocław e. a., 2002; *Ajnenkiel A.* Konstytucje polskie. 1791–1997. Warszawa, 2001; *Wieczorkiewicz P.* Historia polityczna Polski. 1935–1945. Warszawa, 2005; *Tomaszewski J., Landau Z.* Polska w Europie i świecie. 1918–1939. Warszawa, 2005; *Czubiński A.* Stronictwo Demokratyczne (1937–1989). Zarys dziejów. Poznań, 1998.
- ³ *Encyklopedia historii Drugiej Rzeczypospolitej.* Warszawa, 1999; *Siła i bezradność Piłsudskiego.* Rozmowa z Prof. Andrzejem Chojowskim // *Mówią wieki.* Magazyn Historyczny. 2006. № 5/6; *Zamach stanu Józefa Piłsudskiego 1926 roku.* Lublin, 2007.
- ⁴ *Grabski A.* Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2000. S. 224, 246.
- ⁵ *Ibid.* S. 244–245.
- ⁶ *Ibid.* S. 246.
- ⁷ *Zamach stanu Józefa Piłsudskiego.* S. 485.

- ⁸ Siła i bezradność Piłsudskiego. S. 12.
- ⁹ *Suleja W.* Op. cit. S. 358.
- ¹⁰ *Ejsler J., Szwarc A., Wieczorkiewicz P.* Op. cit. S. 103.
- ¹¹ *Kawalec K.* Op. cit. S. 250.
- ¹² Encyklopedia. S. 300.
- ¹³ *Ejsler J., Szwarc A., Wieczorkiewicz P.* Op. cit. S. 103.
- ¹⁴ *Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я.* Указ. соч. С. 248.
- ¹⁵ Zamach stanu Józefa Piłsudskiego. S. 446, 471, 473–474.
- ¹⁶ Siła i bezradność Piłsudskiego. S. 13, 15.
- ¹⁷ Encyklopedia. S. 301.
- ¹⁸ *Czubiński A.* Stronnictwo... S. 19.
- ¹⁹ Encyklopedia. S. 396.
- ²⁰ Encyklopedia. S. 396.
- ²¹ *Czubiński A.* Stronnictwo... S. 18–21.
- ²² Zamach stanu Józefa Piłsudskiego. S. 471.
- ²³ *Roszkowski W.* Op. cit. S. 279.
- ²⁴ *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 198.
- ²⁵ *Wieczorkiewicz P.* Op. cit. S. 6.
- ²⁶ *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 225.
- ²⁷ *Tomaszewski J., Landau Z.* Op. cit. S. 124.
- ²⁸ Historia Polski. S. 419.
- ²⁹ Siła i bezradność Piłsudskiego. S. 11.
- ³⁰ Historia Polski. S. 418.